

Костромская периферия в фокусе проблем периферийных районов России

В течение нескольких лет ученые разных специальностей занимались проблемами российского Севера на примере периферийного Мантуровского района Костромской области и его отдельных сельских поселений. Чтобы не создавалось впечатление об уникальности этого района, попробуем взглянуть на проблему шире, представив место подобных нечерноземных районов в России и определив масштабы российской периферии, как весьма характерного для нее явления.

Прежде всего, определимся, что такое периферия. Географически ее принято рассматривать в разных масштабах: 1) в мелком масштабе - как периферию внешнюю, т.е. регионы и города, удаленные от столицы государства, 2) в среднем масштабе - как периферию внутрирегиональную (районы и небольшие города, удаленные от центров субъектов РФ), 3) в крупном масштабе - как периферию локальную (сельские территории, удаленные от городов). Показателем периферийности в данном контексте служит физическая удаленность от некоторого центра – столицы государства, региона, большого или любого города (в случае, если эта территория находится между центрами, ее часто называют глубиной). Но не это главное. ***Возникновение периферии сопровождается поляризацией пространства и контрастами в степени социально-экономического развития его частей.***

В литературе часто встречаются ссылки на огромные размеры России. По площади (17.1 млн. кв. км) она сопоставима лишь с США и Канадой вместе взятыми (19,6 млн. кв. км) или с востоком и юго-востоком Азии, включая Китай (9,6 млн.), Индию (3.3 млн.) и другие государства. В то же время по числу жителей Россия отстает от США и Канады суммарно в 2 раза, от Китая и Индии – в 20 с лишним раз.

Тем не менее, Россия старалась освоить свою огромную территорию, создавая в северных и удаленных восточных районах и большие города, и сельское хозяйство. Столь активное освоение опиралось на представление о неисчерпаемости человеческих ресурсов. Население России выросло с 67,3 млн. человек в 1897 г. до 147,4 млн. в 1989 г., а затем стало убывать: страна подошла к уровню развитых стран по рождаемости при значительно более высокой смертности. Несмотря на предпринимаемые правительством меры увеличения рождаемости, по прогнозам демографов и Федеральной службы государственной статистики население будет убывать, причем при среднем варианте в

Европейской России к 2050 году останется 69% от уровня 1989 г., а в Азиатской – 59% (Вишневский и др., 2003, Предположительная численность, 2005).

Кроме того, за XX век население стало другим. Если перепись 1897 года показывала, что в городах живет лишь 12% населения, то сейчас – 73%. Это означает, что из относительно более равномерно освоенной сельской страны Россия, расширяя освоенное пространство, постепенно сжималась в городские сгустки. Она прошла рубеж в 50% городского населения в середине XX века, и доля горожан росла вплоть до 1990 г. После подпитки сел мигрантами из бывших республик СССР и административных преобразований многих поселков городского типа в сельские населенные пункты динамика городского и сельского населения выровнялись (рис. 1). Однако в последние годы города, особенно большие, вновь стали для мигрантов привлекательнее сельской местности, хотя они и теряют населения вследствие ускорения естественной убыли стареющего населения.

Только на Москву и С.-Петербург приходится треть официального положительного сальдо миграций в города России в 2005-2007 гг. Еще четверть поглотили города с населением свыше 500 тысяч, хотя среди них есть и те, что теряли население. Из более чем 100 тысяч чистого миграционного прироста населения средних городов (с населением 50-100 тысяч жителей), половину поглотили города Московской области, четверть – города Краснодарского и Ставропольского краев. Идут явные процессы концентрации городского населения в столице страны, в городах вокруг нее, на юге страны и в столицах субъектов РФ. Есть отдельные быстро растущие за счет миграций средние города, расположенные в ключевых сырьевых зонах. Но в целом более 90% всего миграционного прироста средних городов дали всего 17% городов. Небольшие города с населением 20-50 тысяч в большинстве своем характеризуются оттоком населения. Миграционный прирост характерен в городах отдельных южных республиках и также в Московской области, которые в сумме дали 90% всего прироста этой группы городов. А малые города с населением менее 20 тысяч в основном теряют население. После короткого периода миграционной привлекательности в первой половине 1990-х гг. сельская местность вновь стала терять население в результате его переезда в города.

Таким образом, после кризисной неразберихи восстановились характерные для 1960-1980-х годов, то есть для периода активной урбанизации, тенденции стягивания населения в крупные города и в ареалы вокруг них, хотя и в сглаженном виде. Это говорит о том, что **урбанизация в России еще не завершена и население по-прежнему стремится в основные центры** (Нефедова, Трейвиш, 2001, Нефедова 2006а). Это объективный процесс. Каждая страна проходит разные стадии развития урбанизации в

свое время, и Россия еще не готова к массовой контрурбанизации (переселению городского населения в сельскую местность). Следовательно, *разрежение внегородского пространства будет еще некоторое время продолжаться.*

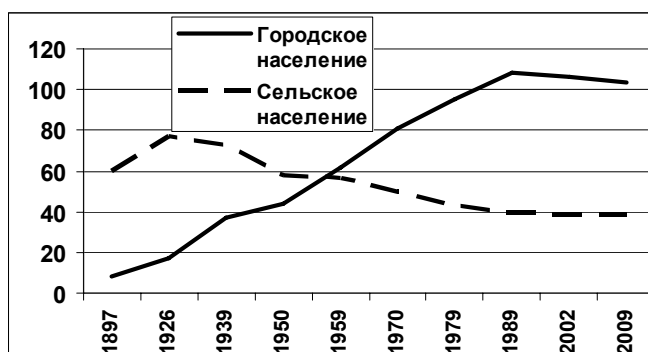

Рис. 1. Динамика городского и сельского населения России в 1897-2009 гг., млн.чел.

Рост городов и уплотнение населения и его деятельности в отдельных очагах приводят к обособлению *центров и периферии*. Этим проблемам посвящено множество работ (Грицай, Иоффе, Трейвиш, 1991, Каганский, 2001, Родоман, 2002, Трейвиш, 2003 и др.). Рассмотрим отдельно процессы, происходящие в сети городов и в сельской местности России в контексте центрально-периферийных различий, а также их проявление в Костромской области.

Кризис и роль больших городов

Резкий спад всех экономических показателей, вызванный переходным системным кризисом в начале 1990-х гг. к середине декады сменился их стагнацией. Перейти к росту никак не получалось, пока не грянул удар 1998 г. Девальвация рубля, выгодная российским экспортерам, и рост мировых цен на нефть стали оживлять экономику. Спустя девять лет, в 2007 г., статистика фиксировала выход страны из кризиса по показателю ВВП - формально был достигнут уровень 1990 г. (Нефедова, Трейвиш, 2009). Но этого нельзя сказать о реальном секторе. Хотя индустрия пострадала в 1990-х гг. сильнее сельского хозяйства, позже она росла быстрее. Оба показателя достигли в 2008 г. в целом по стране 83% от уровня 1990 г. А инвестиции не достигли и 60% докризисного объема. России все-таки не хватило времени завершить восстановительный подъем до нового мирового финансово-экономического кризиса, разразившегося в 2008-2009 гг.

Поляризация экономического пространства России активно шла и в советское время, несмотря на политику выравнивания. Она была неизбежна из-за огромных размеров страны, быстрой урбанизации и индустриализации в XX веке и недостаточности

финансовых и человеческих ресурсов. По замечанию А.И.Трейвиша, при советском догоняющем развитии мобилизационного типа, это заставляло страну “сжиматься в кулаки”, главным образом по оси центр-периферия (Трейвиш, 2001). В переходный период, который переживала Россия в последние 20 лет, территориальные контрасты только усилились.

Особенно это заметно в увеличении роли Москвы как финансового, инвестиционного центра. Помимо Москвы, повышенный потенциал развития имеют С.-Петербург и региональные столицы. В среднем столицы субъектов РФ концентрируют около трети населения, причем эта доля возросла. Они сосредотачивают более 40% всех инвестиций и 64% торговли, общественного питания и услуг. А в больших городах (людностью свыше 100 тыс. жителей) живет половина всего населения страны, производится 62% промышленной продукции, они сосредотачивают 80% оборота розничной торговли, общественного питания и услуг. Правда, после роста в 1990-х гг., доля больших городов и даже Москвы по некоторым показателям в 2000-х гг. несколько стабилизировалась.

Состояние городов в наибольшей степени зависит от их размера, статуса, функций и географического положения¹. Более благополучны крупные города (более 250 тысяч жителей), а особенно города с населением свыше 500 тыс. жителей (таблица 1). Для них характерны пониженный уровень безработицы, лучшие возможности трудоустройства, активный малый бизнес, высокий человеческий потенциал, собранный со своего региона или со всей страны. Крупнейшие города содержат в себе большой потенциал развития благодаря не только концентрации населения, но и созданию особой креативной социальной среды, и их часто противопоставляют периферии.

Таблица 1

Число городов с той или иной оценкой состояния в 2007 гг.

Города с населением	Число городов с разной оценкой состояния					Всего городов
	Лучшие (5 баллов)	Хорошие (4 балла)	Средние (3 балла)	депрессивные (2 балла)	с глубокой депрессией (1 балл)	
Более 500 тысяч	16	20	1	0	0	37
250-500 тысяч	8	26	3	0	0	37
100-250 тысяч	12	42	31	10	0	95

¹ Методика оценки состояния городов неоднократно проводилась нами и ранее на базе данных из паспортов городов, собираемых Вычислительным центром Госкомстата России (Нефедова, Трейвиш, 2001, Нефедова, 2006а). Основные показатели, по которым проводилась оценка: 1) инвестиции на душу населения; 2) доля убыточных предприятий и организаций; 3) доля не занятых в экономике в общей численности экономически активного населения; 4) средняя зарплата работников, отнесенная к прожиточному минимуму; 5) потребление товаров и услуг на душу населения, тоже с поправкой на цены; 6) ввод жилья на душу населения; 7) его обеспеченность канализацией и телефонами. Ряды по каждому из перечисленных показателю ранжировались сначала по 10-ти бальной системе, затем рассчитывались средние значения по всем показателям для каждого города и результаты переводились в привычную пятибальную систему оценки.

50-100 тысяч	11	42	69	29	1	152
Менее 50 тысяч	17	78	197	261	170	723
Всего городов	64	208	301	300	171	1044 ²

Источник: расчеты автора по "Паспорта городов РФ" в 2007 г.

Таблица 2.

Доля населения, живущего в городах с той или иной оценкой состояния в 2007 г., в %

Города с населением	Число городов с разной оценкой состояния					Всего городов
	Лучшие (5 баллов)	Хорошие (4 балла)	Средние (3 балла)	депрессивные (2 балла)	с глубокой депрессией (1 балл)	
Более 500 тысяч	29.3	14.6	0.6	0.0	0.0	44.5
250-500 тысяч	2.9	9.3	0.9	0.0	0.0	13.1
100-250 тысяч	2.0	7.0	4.9	1.6	0.0	15.5
50-100 тысяч	0.8	3.1	5.2	1.2	0.1	10.4
Менее 50 тысяч	0.6	2.2	5.1	5.6	3.0	16.4
Всего городов	35.6	36.2	16.7	8.4	3.1	100.0

Источник: расчеты автора по "Паспорта городов РФ" в 2007 г.

Расчеты в целом по России показывают, что чем меньше размер города, тем больше вероятность его социально-экономической депрессии, которая часто связана с кризисом или отсутствием градообразующего предприятия. Низкие оценки (1-2 балла) имели в 2007 г. 60% всех малых городов России (менее 50 тыс. жителей), хотя по сравнению с началом 2000-х гг. их состояние несколько улучшилось (тогда подобные оценки получили 72% малых городов). В целом 45% всех оцениваемых городов получили в 2007 г. неудовлетворительные оценки, и их можно отнести к депрессивным. Подавляющая их часть – это малые города, как правило, удаленные от региональных центров. Многие из них как бы заснули глубоким сном, иногда несколько веков тому назад. Жизнь там течет очень вяло, работать часто негде, активное и молодое население бежит оттуда, оставшиеся выживают почти натуральным хозяйством на своих огородах, как в деревне. Деревенский образ жизни подтверждают и показатели их бытового благоустройства.

В то же время в ближайшем окружении столицы или недалеко от других крупнейших городов признаков сильной депрессии даже в малых городах, как правило, не видно (Махрова и др., 2008). Однако всегда есть исключения, и даже на периферии можно встретить успешные небольшие центры, хотя в периоды кризисов остается не так много функций, способных переломить остальные неблагоприятные факторы развития города, особенно в монофункциональных городах. Из малых и средних городов выделяются в лучшую сторону "нефтегазовые", энергетические центры, города, сумевшие привлечь иностранные инвестиции и/или имеющие экспортные производства.

² Ввиду значительных пропусков информации за 2007 г. по некоторым городам, рассматривалось 1044 из 1096 городов России. Не попали в таблицы 2 и 3 в основном малые города, большую часть которых можно отнести к депрессивным.

В целом среди 64 городов с лучшими в 2007 году оценками 13 городов в Московской и Ленинградской областях, 10 городов на равнинном юге Европейской России и 21 город в сырьевых, в основном, в нефтедобывающих районах. Остальные, как правило, столицы других регионов.

Таблица 2 показывает распределение населения по городам с разными оценками. Более трети горожан живет все же в лучших городах, преимущественно в центрах регионов. А в депрессивных городах, в основном небольших, "застрял" примерно каждый восьмой горожанин.

Россия в этом плане по точному замечанию А.И.Трейвиша, представляет собой архипелаг немногих важных центров в океане городской и сельской периферии (2003). Основные тенденции 2000-х гг. были связаны с нарастанием пространственных различий в миграционной привлекательности и самочувствии городов. *Все это говорит об усилении неравномерности развития, а, следовательно, об усилении отрыва центров от периферии даже среди городов.*

Правда, финансовый кризис 2008-2009 гг. уже внес некоторые коррективы в общие тенденции развития городов. Прежде всего, он вызвал временное "нивелирование вниз" крупнейших центров, как уже было не раз в начале 1990-х и в 1998 г. Тем не менее, как показывает опыт, прежние диспропорции быстро восстанавливаются и общая тенденция поляризации городов сохранится, сохранив тем самым и разрыв в состоянии и качестве жизни крупных и малых городов. Поскольку последний кризис сильнее ударил по экспортным отраслям, это скажется и на лесоперерабатывающих центрах. Да и вообще на многих крупных инвестиционных проектах. Для Костромской области это особенно важно, так как развитие ее периферии во многом базируется на добыче, переработке и экспорте леса.

Костромские города на фоне российских

Кострома, имевшая к 2009 г. 270,5 тыс. жителей, заметно уступает по населению столицам соседних регионов: Ярославлю (606,3 тысяч), Иваново (404,5 тысяч) и другим. При этом, Кострома, как и Иваново, поглощавшие много мигрантов в 1970-80-е гг. стали по официальным показателям миграционного прироста менее привлекательными в 1990—начале 2000-х гг. и еще более снизили привлекательность к середине 2000-х годов. Ярославль не только не потерял свою аттрактивность, но и наращивал ее.

Помимо столицы в области нет больших городов. Самый крупный – Шарья (да и то из-за того, что в черту города включен пгт Ветлужский), хотя и он в 7 раз меньше Костромы. Сама Кострома, как центр субъекта РФ, в макроэкономическом плане может

быть отнесена к периферии Центрального федерального округа, находясь на его окраине. Еще в большей степени это касается всей Костромской области. Во многом это определило и миграционную привлекательность и благополучие ее городов.

Таблица 3 показывает, как менялась привлекательность городов во второй половине XX – начале XXI веков. В конце 60-х и в 1970-х гг. население покидало не только сельскую местность, но и малые города. Положительное сальдо миграций имела только Кострома. К 1980-м гг. ситуация чуть выправилась в более крупных центрах, а почти все малые города (менее 20 тысяч жителей) продолжали терять население. В 1990-х и начале 2000-х гг. ситуация была довольно изменчивой, но Кострома продолжала притягивать население, хотя и некоторые малые города стали привлекательны. И все же не следует забывать, что 3 промилле сальдо миграций в Костроме и в Мантурово – это несопоставимые по абсолютным показателям величины. С учетом абсолютных потерь населения в результате естественной убыли, за 2005-2007 гг. только Шарья реально увеличила численность населения (таблица 3).

Таблица 3. Население и сальдо миграций в городах Костромской области, человек в год

Города	Население	Сальдо миграций на 1000 жителей							Естественная убыль в среднем 2005-2007	Миграционный прирост в среднем 2005-2007
		1970	1980	1990	2000	2003	2005	2007		
Города – отдельные муниципальные образования										
Кострома	270.5	14	8	3	8	4	3	0	-1416	246
Шарья	38.6	-10	2	4	0	8	7	6	-220	251
Буй	25.5	-21	1	1	1	0	-1	-1	-175	-21
Нерехта	24.5	-5	3	-1	1	4	3	3	-221	82
Мантурово	18.0	-17	-7	1	4	0	0	3	-152	33
Галич	17.6	1	0	2	-4	0	-8	-7	-107	-128
Волгореченск	17.6				8	-3	-1	0	-50	-6
Нея	10.8	-5	0	-2	0	3	-4	6	-220	13
Города, входящие в муниципальные административные районы										
Макарьев	7.4	-30	-6	6	3	0	0	9	-52	33
Солигалич	6.2	-10	-4	0	1		-12	-2	-40	-43
Чухлома	5.5	-4	-6	8	6		1	6	-13	15
Кологрив	3.4	-18	-3	-4	7		12	9	-58	31

Источник: Паспорта городов России, 1970-2007 гг.

Состояние городов области на фоне приведенных выше оценок всех городов России удручающее. По перечисленным выше показателям, сведенным в пятибалльную систему, Кострома получила в 2007 г. четыре балла, хотя в более тяжелые времена (в 1996 г.) ее состояние оценивалось на три балла (Нефедова, Трейвиш 2001). Текстильные и машиностроительные предприятия Костромы с трудом находят или не находят свои ниши в новых условиях. Более устойчива оказалась пищевая и деревообрабатывающая промышленность. Остальные города Костромской области сильно отстают от Костромы

по многим формальным показателям, за исключением Волгореченска – города энергетиков (Костромская ГРЭС), в котором и прежде уровень экономики и жизни населения были намного выше, чем в других областных центрах. В 2007 г. он натянул всего на 3 балла. Такую же оценку получил г.Шарья, который после прихода иностранных инвестиций, строительства завода "КроноСтар" и общего оживления экономической жизни в 2000-х гг. улучшил свои показатели. Будучи самым крупным городом на востоке области при западном эксцентриситете региональной столицы, Шарья все больше берет на себя функции субрегионального центра (см. статью И.Ф.Кузьмина в этом сборнике). Формирование таких новых растущих центров на периферии регионов в рыночных условиях – весьма перспективная тенденция, способствующая некоторому оживлению периферии. Все остальные города получили оценки в 1 и 2 балла, т.е. по приведенной выше логике могут быть отнесены к депрессивным, хотя большинство городов пытается выживать, опираясь на лесопереработку и местную пищевую индустрию. Население вынуждено подрабатывать, как может, в т.ч. отходом в Москву и Подмосковье.

Поляризация сельского пространства России и Костромской области

Миграционные потоки между городами и сельской местностью в России в 1960-80-х и 1990-х гг. во многом были противоположны. Менялась и их география. До 1990 г. население активно покидало села в регионах Европейской России ради городов, а также переезжало на север и восток страны. В 1990-х гг. на востоке остались привлекательными лишь нефтяные области и столицы регионов, из остальных мест население "побежало" на запад и юго-запад в Европейскую Россию. Больше всего переселенцев устремилось в первой половине 1990-х гг. в благодатные южные районы Европейской России, значительно пополнив там и без того крупные села. К 2000 гг. наиболее привлекательными для сельских жителей вновь, как и до 1990 г., стали пригороды больших городов. Периферийные районы, особенно на Севере и Востоке страны с отсутствием или низкой плотностью сельского населения расширились.

Нечерноземная часть Европейской России в начале 1990-х гг. тоже получила незначительную подпитку мигрантами из бывших советских республик, северных и восточных районов России. Тем не менее, обезлюдение сельской местности из-за высокой естественной убыли стареющего населения там продолжалось, несмотря на специальные программы привлечения мигрантов в некоторых регионах. Результатом длительной депопуляции стало множество умерших и деградирующих деревень. Последняя перепись 2002 г. выявила в России 34 тысячи умирающих деревень с населением менее 10 человек (24% всех поселений). Из них 15 тысяч в Нечерноземных регионах Центрального ФО и 11

тысяч в Северо-Западном ФО (Численность и размещение, 2004). 13 тысяч деревень совсем не имели постоянного населения.

Население не только бежит из сел в города. В сельской местности его перераспределение во второй половине XX века было очень существенным. Но особенно сильны процессы поляризации сельской местности в староосвоенных районах Нечерноземья с их мелкоселенностью, к которым и принадлежит **Костромская область**. Сельское население концентрировалось в них вокруг городов. Внутрирегиональные контрасты в динамике и плотности сельского населения в последние годы только усиливались. На рис.2 показано падение плотности сельского населения по мере удаления от центров субъектов РФ в северной нечерноземной и южной половинах Европейской части России. В Нечерноземье в административных районах вблизи региональных столиц она в 10-12 раз больше, чем в удаленных, окраинных районах, и главный перелом в заселенности лежит именно между пригородными и прочими районами.

Влияние города на окружающую территорию во многом зависит от его размера. Чем крупнее город, тем большую зону повышенной социально-экономической плотности он формирует вокруг себя. Например, пригородом Москвы можно считать всю Московскую область, где плотность сельского населения падает от 75 в районах-соседях Москвы первого порядка до 17 человек на кв.км в среднем в окраинных районах. Уже в соседних с Московской Рязанской или Тверской областях уровень плотности сельского населения иной: от 25 в пригороде до 2-5 человек на кв. км на окраинах. То же происходит и в **Костромской области**. Таким образом, по этому показателю в Подмосковье как бы отсутствует сельская периферия с разреженным населением, в то время как в других областях Нечерноземья, она занимает большую часть территории.

В южной половине Европейской России пригороды тоже выделяются, главным образом в Центрально-Черноземном районе, Поволжье и на Южном Урале. Но уменьшение плотности населения от пригородов к периферии регионов - в среднем в 3 раза – не столь велико, как в Нечерноземье. Лишь на плотно заселенном равнинном Северном Кавказе таких резких различий нет. Невелики они и в некоторых национальных республиках, лучше сохранивших население в сельской местности. В Сибири и на Дальнем востоке контрасты в плотности сельского населения, связанные с малой освоенностью их огромного пространства, тоже усилились в 1990-х гг.

Рис. 2. Изменение плотности населения в пределах регионов Европейской России по мере удаления от центров, чел/кв.км (1 - районы, непосредственно примыкающие к региональному центру, 2 – районы-соседи центра второго порядка и т.д. до окраинных районов регионов 6 и 7 порядка)

Подобное расслоение сельского пространства России стало возможно из-за относительно редкой сети больших городов. Хотя в России около 1100 городов, население более 100 тысяч жителей (а именно такие города наиболее явно стягивают вокруг себя сельское население и активизируют сельскую экономику) имели в 2008 г. 164 городов. В Нечерноземье (без Московской области) среднее расстояние между большими городами составляет около 190 км, в России в целом – более 320 км. В тоже время средний радиус пригородного административного района в Европейской части России составляет 30-40 км. Очевидно, что огромные внегородские пространства за пределами пригородов стали по существу социально-демографической пустыней. *Сжатие заселенного пространства России в целом в последние годы усилилось, расширив пространство внутренней периферии или глубинки с оттоком сельского населения.*

Таким образом, одним из показателей периферийности может служить низкая плотность сельского населения, как в новоосвоенных районах Севера и Востока страны, так и в староосвоенных сильно депопулировавших районах Нечерноземья. Однако качество сельских сообществ и социальной среды в них различается. Если в районы нового освоения Сибири, Дальнего Востока приезжали относительно молодые и активные люди, то в депопулировавшем Нечерноземье и даже в пределах основной полосы расселения на востоке страны в результате миграционного оттока молодого и активного населения происходил его отрицательный социальный отбор. Там преобладают люди пенсионного возраста, сельские сообщества пассивны и слабо мотивированы к самостоятельному улучшению своей жизни, распространен алкоголизм.

Сельская местность и процессы депопуляции населения **Костромской области** типичны для Нечерноземья и проходили даже более болезненно, чем в России в целом. Если в России в целом все население вплоть до середины 1990-х гг. увеличивалось (за

исключением периода Отечественной войны), то в Костромской области все население, начиная с 1939 г. уменьшается, хотя и медленнее, чем сельское. Потери сельского населения здесь также больше. Если в России в целом осталось половина сельского населения 1926 года, то в Костромской области – только четверть (рис.3), а в некоторых периферийных районах – 15-20%.

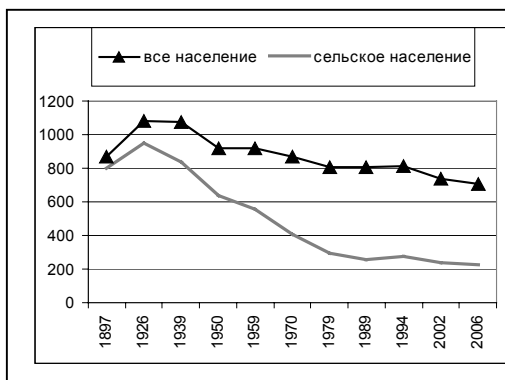

Рис. 3. Изменение численности всего и сельского населения с 1897 по 2006 гг. на территории современной Костромской области, человек

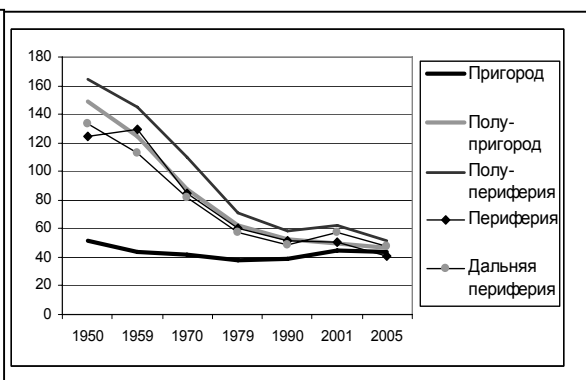

Рис. 4. Численность сельского населения Костромской области по мере удаления от Костромы с 1950 по 2005 гг., тыс.человек

Центрально-периферийные различия в динамике числа сельских жителей были подробно описаны в сборнике "Российский северный вектор" (см. Нефедова 2006 б). В Костромской области только пригородному району удалось сохранить сельское население, во всех остальных районах его уменьшение было катастрофическим (рис. 4). В результате в пригородном Костромском районе плотность сельского населения составляет 22 человека на кв. км, в соседних полупригородных районах она падает до 6 человек, а на периферии - до 2-3 чел/кв.км. На периферии области в результате отъезда и естественной убыли население уменьшилось по сравнению с 1950 годом в 4-5 раз. Это привело к заметной деградации человеческого капитала в периферийных районах. В сельской местности преобладают женщины старшего возраста, трудовой потенциал снижен и ограничивается единичными надежными работниками. Однако при этом, сильная удаленность и оторванность костромской периферии от центров играет и благодатную роль: некий свод норм и ценностей, определяемых как социальный капитал (Соболева, 2006, Фадеева, 2008) сохраняется. Местные жители помогают друг другу, весьма доброжелательны к дачникам (Нефедова, 2008). Воровство, если и имеет место, связано с пришлыми "гастролерами", в то время как местные жители могут и дома оставить незапертыми и следят за имуществом дачников во время их отсутствия. Очень тесны семейные связи, поскольку дети чаще всего проживают в городах, в т.ч. в соседнем городе Мантурово или в Костроме. Тем не менее, сильное разрежение населения и постоянный

отъезд активной его части не способствуют самоорганизации сельского населения даже для решения насущных бытовых проблем.

Обустроенность и доступность территории как фактор развития

В России с ее огромными пространствами и относительно редкой сетью городов, близость города почти означает не только более плотную заселенность, но и лучшую обеспеченность самыми элементарными товарами и услугами, более плотную дорожную сеть, газификацию жилья, наличие водопровода, канализации. Для периферии характерна не только депопуляция, но и бездорожье, замкнутость связей, социальная апатия и часто экономическая депрессия.

Важным фактором, тормозящим развитие страны, стала малодоступность периферийных пространств: как внешней периферии на севере и востоке страны, так и внутренней периферии внутри регионов, даже при сравнительно небольших расстояниях от центров.

Это видно хотя бы по степени освоенности пространства автодорожной сетью. Поскольку Россию с ее огромным пространством в целом сравнивать с небольшими странами не совсем корректно, весьма показательным соотношением плотности дорожной сети в отдельных ее регионах и некоторых странах мира. Распределение плотности автодорог с твердым покрытием коррелирует с плотностью населения. Максимальная дорожная обустроенность характерна для Московской (471 км/1000 кв.км) и Калининградской (413) областей, регионов Черноземья, Северного Кавказа, Чувашии и Татарстана (170-250). В остальных освоенных регионах она колеблется от 10-60 на востоке страны до 60-150 в Европейской части (Регионы России, 2008). Тем не менее, наиболее освоенная Московская область по плотности автодорог с твердым покрытием соответствует всего лишь Белоруссии, Калининградская область – Украине, Белгородская – Норвегии (282), Центральный район – Мексике (172), а российский юг – Китаю (177). До Европы (1500 и более) и даже США (682 км/1000 кв.км) российской дорожной сети еще очень далеко.

В **Костромской области** к 2007 г. плотность автодорог с твердым покрытием составляла 92 км/1000 кв.км. В Европе вообще нет стран с такой плотностью автодорог, в Азии близкие значения обустроенности имеет Иран (104), в Южной Америке – Аргентина (83), в Африке – Танзания (100 км/1000 кв.км).

Влияние городов на плотность автодорог также велико, как и на плотность населения. Если считать, что за пределы зоны удаленности в 5 км от дороги с твердым покрытием уже трудно добираться пешком или по грунтовому бездорожью, то окажется,

что почти вся Московская область, за исключением стыков административных районов, находится в зоне дорожной доступности. А, например, в Ярославской области, и, тем более, в Костромской, наиболее доступны только пригород и зоны вдоль основных магистралей.

Состояние дорог, расселения и экономической деятельности тесно сопряжены и трудно сказать, что от чего зависит. На асфальтированной дороге находятся наиболее крупные и жизнеспособные поселения, центральные усадьбы колхозов. На ответвлениях – более мелкие. А к умирающим поселениям и дорог нет, что усиливает их отрыв и поляризацию сельского пространства. Таким образом, значительные территории даже в центре России на расстоянии 150-200 км от больших городов, то есть на внутрирегиональной и локальной периферии, не говоря уже о внешней периферии, находятся за пределами устойчивой дорожной связи.

В современных условиях дорожная труднодоступность периферии частично компенсируется другими способами связи, в частности с помощью сотовых телефонов, интернета и т.п. Однако и здесь видна выборочность охвата территории связью (рис. 5). Наиболее устойчива она также в пригородах больших городов и в более крупных сельских поселениях, оставляя часть территории периферии оторванной от какой-либо связи.

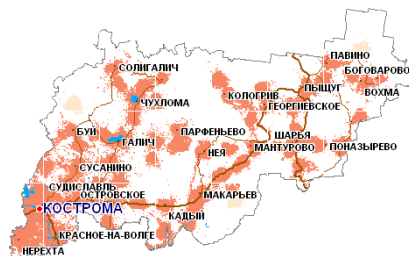

Рис. 5. Зона обслуживания связью МТС Костромской области, 2008 года.

Рядом исследователей (Пилясов, 2008) именно недоступность территории, ведущая часто к ее информационной изолированности, считается главной бедой периферии, не дающей ей выбраться из ямы безнадежности. Но сейчас в каждом сельском доме в самой глубинке есть телевизоры, в крайнем случае - радио. У большинства местных жителей дети или знакомые живут в городе и регулярно их навещают. Видимо главное – характер информация и особенности ее восприятия. Более того, отход от архаичного замкнутого реально изолированного состояния местных сообществ нечерноземной глубинки привел к резкому усилению мобильности сельского населения и безвозвратному отъезду молодежи в города. Люди начали сравнивать возможности самореализации и общения, условия

жизни и работы в своей деревне и в городах. И сравнение это не в пользу периферийных районов.

Не только дорожная сеть, то и любое обустройство "тает" в России по мере удаления от центров. Исключение составляют лишь новые поселения в районах освоения ценных природных ресурсов на дальней периферии страны. В староосвоенных регионах, чем дальше от столицы региона, тем хуже обустройство газом, водопроводом, канализацией, причем не только сельской местности, но и городов. В России, первой в мире по добыче и экспорту газа стране, по данным переписи 2002 г. сетевым газом обеспечена всего треть сельских домохозяйств, а водопроводом 40%, канализацией – 30%. Совсем иная ситуация в Московской области, где степень обеспечения необходимой инфраструктурой в сельской местности поднимается до 71-77%. А в **Костромской области** к сетевому газоснабжению подключено всего 17% сельских домохозяйств, водопровод имеет – 46%, а канализацию – всего 24% домохозяйств, да и то чаще городских дачников (Жилищные условия населения, 2004). Да и эти показатели касаются, в основном, пригородных районов и центров сельских поселений.

Содержание инфраструктуры и социальной сферы (школ, домов культуры, фельдшерских пунктов и т.п.) в дотационных регионах в основном шло из получаемых из центра трансфертов. Доля безвозмездных поступлений от других бюджетов бюджетной системы РФ в доходах консолидированного бюджета **Костромской области** по итогам 2007 г. составила 27,2%, по итогам 9 месяцев 2008 г. – 29,0% (в среднем по регионам России она составляла – 14,2% и 16,8% соответственно). На периферии области степень дотационности районных бюджетов достигала 70-80%. В результате нового финансово-экономического кризиса в 2010 г. трансферты регионам могут быть сокращены на четверть. Это коснется, прежде всего, социальной сферы наиболее дотационных районов на периферии и может привести к закрытию сельских школ и экономии на других структурах, вплоть до объединения сельских поселений, что только усилит поляризацию сельской местности.

Таким образом, *депопуляция и обустройство территории в широком смысле в России тесно взаимосвязаны*. Отсутствие дорог и распад сельской инфраструктуры (в т.ч. закрытие магазинов, школ, клубов и т.п.) усиливало деградацию нежизнеспособных поселений в глубинке и давало дополнительные стимулы оттока населения. В то же время уменьшение населения отбивало у властей всякие стимулы обустройства местности. *Наша необустроенность не есть результат какой-то особой бедности. Здесь сошлись, с одной стороны, бытовая непритязательность и терпение населения, а, с другой, — система приоритетов власти, для которой насущные нужды населения были и остаются на последнем месте.*

Экономический и социальный кризис сельских периферийных районов

Поляризация расселения и инфраструктурной обустроенности неразрывно связаны с поляризацией экономической деятельности. На внешней периферии слабая обустроенность и отток населения провоцировали и деградацию хозяйственной деятельности, за исключением районов добычи экспортных природных ресурсов.

Еще больше пострадала внутренняя периферия. Города не только привлекали населения и улучшали вокруг себя обустройство территории. Главное влияние городов - это более активная экономическая среда вокруг них, тесно взаимосвязанная с самим городом. Людей привлекала в пригороды также возможность, живя на природе, найти работу в городе и в целом – большая диверсификация деятельности и устойчивость экономики пригородов.

Процессы урбанизации и роста городов за счет сельской местности характерны для всех стран. Уже говорилось, что Россия здесь не исключение. Те же процессы обезлюдения сельской местности были характерны для европейских стран в 1950-40-х гг. Однако в России есть два существенных отличия. Первое – это ее огромное пространство и северное положение. В Европе плотность городов намного выше. В России же в ходе урбанизации при редкой сети городов и стягивании в них и в пригороды населения между ними сформировалась социально-демографическая "пустыня". Второе отличие связано с монофункциональностью российской сельской местности и с особенностями сельскохозяйственных предприятий. Колхозы и совхозы оказались совершенно не готовы к такому оттоку сельского населения. В Европе и в США отток сельских работников в города в начале и середине XX века сопровождался ростом производительности их труда (в сельском хозяйстве она росла даже быстрее, чем в промышленности), модернизацией производства, уменьшением площади используемых земель, развитием в сельской местности мелких промышленных и кустарных производств, сектора услуг. У нас при тотальном контроле партийных органов даже переработки сельскохозяйственной продукции могли добиться лишь очень сильные руководители. А при установках на удержании пашни любой ценой и низкой производительности труда работников, отток трудовых ресурсов вызвал серьезную депрессию коллективного сектора сельского хозяйства, которая в периферийных районах началась задолго до 1990 года.

Влияние города на окружающую территорию не ограничивалось стягиванием в пригороды населения и инфраструктуры. Помимо того, что пригородное сельское хозяйство имеет особую специализацию, в России оно, как правило, наиболее экономически устойчиво (Иоффе, Нефедова, 2004). В любой нечерноземной области, урожайность зерновых в пригородах в 2-3 раза выше, чем на периферии. Даже коровы на

пригородных агропредприятиях, как это ни парадоксально, дают втрое больше молока, несмотря на обилие тучных пастбищ на периферии. Да и скота гораздо больше в пригородах. **Костромская область** в этом отношении также весьма типична для Нечерноземья (рис. 6 и 7).

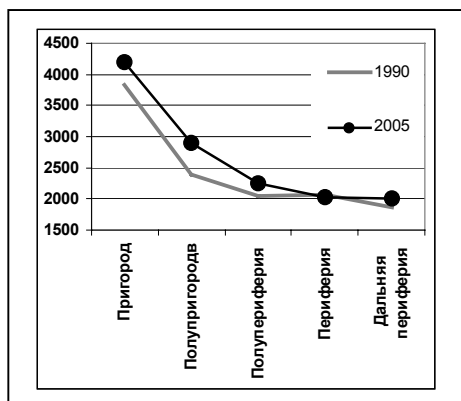

Рис. 6. Изменение среднего надоя молока от одной коровы от пригородных к периферийным районам Костромской области в 1990 и 2005 гг., кг в год

Большинство агропредприятий и до 1990-х гг. на периферии этой зоны было убыточно и поддерживалось огромными дотациями. Сейчас, когда партийно-административный контроль за колхозами и совхозами исчез, во многих районах посевные площади сократились в 10 и более раз. Частный сектор по мере депопуляции и старения населения тоже свертывается. Люди чаще выживают за счет небольших огородов и даров леса: собирают грибы, ягоды, ловят рыбу. Крупных лесозаготовительных предприятий здесь немного. Фермеров тоже мало, к тому же в районах, из которых десятилетия уезжали наиболее трудоспособные люди, трудно найти малопьющих работников.

Подобных депрессивных районов в Европейской России довольно много, причем есть проблемные территории, возникшие в 1990-х гг. и настоящие "черные дыры", где кризис агропроизводства наблюдается уже много десятилетий. Можно выделить два ареала сгущения таких "черных дыр". Это северо-восток и северо-запад Европейской части России. Оба ареала возникли не в последние годы, кризис сельского хозяйства в них во многом связан с длительной депопуляцией сельского населения.

В **Костромской области** депрессивные сельские районы занимают значительную территорию за пределами пригорода и юго-западных районов. Их история и современное состояние уже описывались (см. Нефедова, 2006 б). Несмотря на жесткий партийный контроль, уменьшение используемых сельскохозяйственных угодий началось до 1990 г. А посевные площади наиболее резко уменьшились именно в 1990-х гг., причем наибольшие

потери (во многих районах не обрабатывается более 70% пашни) характерны именно для периферийных районов. В то же время некоторые предприятия в Костромском пригороде и к югу от него развиваются.

Сжатие освоенного пространства в периферийных районах Костромской области, роль объективных и личностных факторов в этом процессе подробнее рассматривались на примере Угорского сельского поселения Мантуровского района (Нефедова, 2007), в котором лучший в районе колхоз-миллионер постепенно превратился в еле функционирующего полубанкрота. Конечно, состояние агропредприятий различается и на периферии. Например, даже в пределах периферийного Мантуровского района можно найти агропредприятия, показатели продуктивности которых различаются в 2 раза. Хотя в среднем они очень низки, например, надои молока от одной коровы в среднем по району, долго не могли превысить 2500 кг и остаются намного ниже среднероссийских показателей – а ведь это зона именно молочного животноводства и весьма продуктивной костромской породы коров, которые в пригородах дают около 6000 кг молока в год. Можно выделить несколько моделей выхода части предприятий из кризиса 1990-х гг. с помощью муниципальной поддержки, интеграции с пищевыми предприятиями и другие. На примере Мантуровского района они рассмотрены в статье М.Сомовой в этом сборнике. Правда новый кризис 2008-2009 г. внес свои коррективы, резко снизив закупочные цены на молоко в 2009 г. и ударив по лучшим в районе предприятиям, которым стали меньше помогать агропромышленные структуры. Сказалось и ужесточение налоговой политики в области, что может привести к банкротству ряда предприятий. Но главное – сельхозпроизводители лишились дополнительного дохода, связанного с лесопользованием (см. статью И.Кузьмина), что сильно подорвало шансы многих предприятий глубинки выжить в новых условиях. Сказалось и уменьшение масштабов отходничества местных жителей в города на временные работы, что реально увеличило сельскую безработицу.

Таким образом, внутренняя нечерноземная периферия (глубинка) - это не только удаленная от центров, но и испытывающая тяжелый социально-экономический кризис территория. Поэтому в отношении таких районов надо говорить не только о перспективах, но и о социально-демографических ограничениях экономического развития. За эти годы стало ясно, что в целом у населения преобладает адаптивное приспособительно-пассивное поведение, социальная активность и экономическое рыночное мышление сельских жителей – довольно редкое явление.

Все сказанное ни в коем случае нельзя относить к сельской местности и к сельскому хозяйству России в целом. В стране есть относительно благополучные районы

и отдельные предприятия, на юге и востоке страны появилось множество успешных фермеров, увеличилась товарность хозяйств населения. Объемы сельскохозяйственного производства растут. Однако тот факт, что на этапе выхода из кризиса при росте агропроизводства посевная площадь до 2008 г. продолжала сокращаться (Регионы России, 2008), говорит о пространственной избирательности процесса подъема сельского хозяйства, а следовательно, об усилении поляризации сельской местности в 1990-2000 гг. При этом современное состояние и продуктивность сельского хозяйства заметно коррелируют с динамикой и плотностью сельского населения и инфраструктурной обустроенностью территории. В России происходит явное усиление южных регионов и пригородов больших городов при стагнации или упадке сельского хозяйства в периферийных районах. Следовательно, территориальное разделение труда, и очаговость в развитии сельского хозяйства и сельской местности становится более явной. 1990-2000-е годы показали, что факторы организации внегородского пространства России, связанные с положением на осях "север-юг" и "пригород-периферия" очень устойчивы и играют порой более важную роль, чем политические (капитализм или социализм), экономические (рынок или плановое хозяйство) и институциональные изменения. Поэтому наряду с моделями наращивания экономического потенциала необходимо продумывать и модели "хозяйственного сжатия", для того, чтобы быть готовыми снивелировать объективные негативные процессы, особенно в староосвоенных районах. Именно такие модели могут оказаться весьма актуальными для периферийных районов **Костромской области**.

Модели экономики "хозяйственного сжатия" в периферийных староосвоенных районах не остановят уменьшения населения, уход крупноплощадного сельского хозяйства и сжатия освоенных территорий, но, увеличив очаговость освоения, они спасут их тотального забрасывания земель. Таких моделей может быть несколько, причем они вовсе не исключают друг друга.

Первая модель – сельскохозяйственная с сохранением агропредприятий. Отдельные агропредприятия, вошедшие в цепочки локальных или региональных агропромышленных структур, имеют шансы выжить и на периферии, но они нуждаются в доступных кредитах, модернизации производства и т.п. Остальные агропредприятия, даже убыточные, резко сократившие посевные площади и почти ничего не дающие на общероссийский рынок, в таких районах сохраняет локальное значение, оставаясь поставщиком продукции на местные заводы по переработке сельскохозяйственного сырья в малых городах и тем самым, способствуя их выживанию. Агропредприятия служат также организаторами местной жизни, частично поддерживая личные хозяйства населения и спасая поселения от наступления леса. Наличие предприятия отчасти

задерживает сжатие социальной инфраструктуры, а следовательно, обеспечивает и иные рабочие места. При этом не надо делать вид, что мы развиваем здесь товарное сельское хозяйство. Такие квази-предприятия нуждаются в помощи государства именно как социальные институты для поддержания местной жизни. Если предприятия уже нет, функции организатора зачастую берет на себя местная сельская администрация, которая концентрирует общую технику, некоторые помещения (Нефедова, 2003, с.279), берет на себя организационные не только социальные, но и экономические функции и тоже нуждается в большей поддержке. Впрочем, здесь многое зависит от того, способны ли руководитель предприятия или глава администрации стать реальными лидерами.

Вторая модель связана с мелким частным сельским хозяйством, с усилением его товарности, что возможно в районах не очень сильной сельской депопуляции или в районах, сумевших привлечь и задержать мигрантов. Там же, где потеряна большая часть бывшего населения (к таким районам относится Костромская периферия), страта тех, кто способен активизировать товарность своего хозяйства, довольно узка: 10-15% (Нефедова, 2008). Поэтому такие районы нуждаются в специальных программах по привлечению мигрантов. Но и местные жители, и приезжие нуждаются в определенной поддержке. Главным фактором, помимо человеческого капитала, здесь оказывается степень включенности района в систему экономических связей (транспортная доступность, доступность рынков сбыта продукции и т.п.) и снижение бюрократических проволочек и транзакционных издержек на региональном и районном уровне по сельскохозяйственному реосвоению мелкими собственниками или арендаторами части заброшенных колхозами земель.

Третья модель - уход от монофункционального развития малых городов и сельской местности, порой с заметным изменением специализации. Она предполагает специальные усилия для повышения активности местного населения, стимулирование видов деятельности, связанных как с сельским хозяйством (**переработка агропродукции, пчеловодство** и т.п.), так и с использованием природных ресурсов леса и воды. В зоне тайги – это чаще всего **лесозаготовки и лесопереработка**, хотя лесохозяйственная монофункциональность также может стать тормозом развития. Во многих районах, где население активно собирает грибы и ягоды, необходимо стимулирование их закупки и **переработки даров леса** для насыщения почти бездонных крупногородских рынков и ликвидации такого абсурдного явления, как китайские и итальянские грибы на прилавках крупных городов. Здесь также велика роль местных лидеров, но важнее – инвестиционная привлекательность региона, позиции местных властей по отношению к внешним инвесторам, часто из крупных городов из-за тотального дефицита местных финансовых

ресурсов. Весьма популярны *рекреационно-туристические схемы развития* депрессивных ныне районов. Однако при прогнозировании создания туристических или рекреационных баз необходима оценка множества ограничивающих факторов: степени уникальности и привлекательности данного природного или культурно-исторического места, наличие территорий-конкурентов, ближе и удобнее расположенных к крупным городам, возможности и стоимости развития необходимой инфраструктуры, наличие трудового потенциала для высококачественного обслуживания отдыхающих (опыт создания баз отдыха в подобных районах заканчивается обычно завозом работников из городов или пригородов) и т.п. Тем не менее, любое стимулирование туристической активности на территории может дать стимул развитию сферы обслуживания.

Четвертая модель – создание достопримечательных мест - работает для малых городов и деревень, расположенных в особо живописных местностях или имеющих ценные памятники истории и культуры. Их развитие как достопримечательных мест может быть инициировано снизу и закреплено специальным законодательством на национальном, региональном или районном уровне. Они нуждаются в дополнительном финансировании для сохранения традиционного хозяйства населения и антропогенных ландшафтов хотя бы вокруг деревень, церквей и т.п., а также для стимулирования активности местного населения, что тесно связано с третьей моделью развития (обеда, ночевка, бани, продажа продуктов и сувениров).

Если же местного населения, кроме нетрудоспособных жителей, в сельской местности почти не остается, возможна реализация **пятой модели специальной социальной поддержки местного населения**. Ведь депопулировавшие деревни — это, по существу, дешевые дома престарелых, которые отчасти и продуктами себя обеспечат. Но они требуют особого обслуживания: автолавок с продуктами, доступной медицинской помощи, регулярных автобусных маршрутов (а, следовательно, и приличных дорог), доходящих до всех живых деревень. Эти мелкие, на первый взгляд, но чрезвычайно важные дела – прямая задача региональных и местных властей. При создании подобных условий, дети будут реже забирать стариков в города и чаще приезжать в деревни, что продлит их существование.

Наконец, **шестая модель связана с дачным реосвоением глубинки**. Роль дачного развития удаленной от городов местности, а не только пригородов, как правило, недооценивают. Массовость российской сезонной дачной субурбанизации не фиксируется статистикой, поскольку люди, как правило, не выезжают из городов на постоянное место жительства, а строят или покупают в сельской местности дом как дачу дополнительно к городской квартире. Российская дачная традиция пригородами не ограничивается. Более

того, все большее распространение получает феномен *дальней дачи* в тихом безлюдном месте взамен или в дополнение к *ближней даче*, зажатой среди изгородей и коттеджей. Процесс заполнения дачниками удаленных периферийных сельских районов начался еще в 1970-х гг. и набирает силу. Обследования показывают, что дачные зоны Москвы и С.-Петербурга захватили соседние области и уже сомкнулись на юге Псковской и Новгородской областей. На северо-востоке они охватили не только соседние с Московской области, но и Ивановскую, Костромскую. Наплыв дачников в субъектах РФ, окружающих Московскую область, очень велик. Опросы показали, что москвичи и жители подмосковных городов летом в отдельных живописных районах Ярославской, Тверской, Владимирской и других областей увеличивают общую численность населения в 2-4 раза. Но даже в удаленных на 400–600 км районах доля московских дачников достигает 50% собственников домов, а в сильно депопулировавших деревнях 70-90%. Однако дачники не повсеместны, они концентрируются в отдельных очагах с наиболее живописными ландшафтами (например, в районах **Костромской области**, расположенных вдоль реки Унжа). В них дачники сохраняют дома и целые деревни. Экономические стимулы, исходящие от дачников, способны занять часть местного населения, они создают спрос на услуги по ремонту и строительству домов, присмотру за ними. Мелкое индивидуальное хозяйство имеет шанс укрепиться, снабжая дачников продуктами. Приток дачников дает стимул к развитию торговли в соседних городах, хотя имеет и негативные последствия, задавая в сезон повышенные цены. Но главное – дачники, в основном интеллигенция, создают иную социальную среду в деревнях, активизируют местное сообщество. Все это может способствовать задержанию местного населения. Постепенно без каких-либо специальных инвестиций на энтузиазме городских дачников, привлекающих в деревню своих коллег, создаются профессиональные деревни: ученых, художников, журналистов, оживающие в основном в летне-осенний период. Есть отдельные примеры и полного погружения горожан в сельскую жизнь с работой в сельской школе или занятием животноводством (наряду с привычными профессиональными занятиями). Однако такие случаи пока еще единичны на фоне массовости временного использования сельских домов горожанами. Тем не менее, именно горожане в удаленных районах обеспечивают доступ российской периферии к экономике знаний, ее приобщение к инновациям (Пилясов, 2008). Главным экономическим ограничителем дачного развития периферии служит сильное отставание развития инфраструктуры и сервисного сектора.

Однако главный ресурс дачного, как и туристического, реосвоения периферии – экологический: чистый воздух, вода, живописные ландшафты. Они вполне совместимы с

другим бизнесом и могут даже подпитывать его, кроме крупных предприятий, уничтожающих этот экологический ресурс. Поэтому уже сложившееся и развивающееся дачное использование и возможные новые загрязняющие промышленные предприятия должны быть максимально разведены, что, как правило, не учитывают региональные власти.

Размеры и роль российской периферии

Попробуем географически представить место **Костромской области** в обширной российской периферии. Можно обозначить пять основных зон с разным характером освоения территории и с разной долей внешней и внутренней периферии (рис. 7): Зона 1 – слабоосвоенная и неосвоенная на Севере и Востоке страны, Зона 2 - лесная с добычей полезных ископаемых, очаговым заселением и сельским хозяйством, Зона 3 - лесосельскохозяйственная, зона 4 - преимущественно сельскохозяйственная равнинная, зона 5 - горная скотоводческая с очагами добычи полезных ископаемых.

1. Слабоосвоенная и неосвоенная территория занимают 47 % общей площади России. В Европейскую Россию эта зона заходит лишь на крайнем Севере и занимает менее 10% ее площади, зато она охватывает большую часть территории Азиатской России (62%). Это – огромная внешняя периферия, природный резервуар, источник богатейших ресурсов. Здесь расположены самые северные в мире большие города - Мурманск и Норильск. В 1960-80-е люди терпели там суровые условия ради высоких зарплат, возможности накопить деньги и без проблем переехать потом «на материк». Лишившись этого в 1990-х гг., население "побежало" из городов и поселков в освоенные зоны. Исключение составляют столицы регионов, а также города и поселки в нефтегазоносных северных округах Западной Сибири, которые пока есть нефть и газ, остаются основными локомотивами развития. В этой зоне есть и крошечные очаги сельского и лесного хозяйства. Все остальное – мир традиционного хозяйства коренных народностей Севера, хотя их доля в населении (за исключением Якутии) крайне мала.

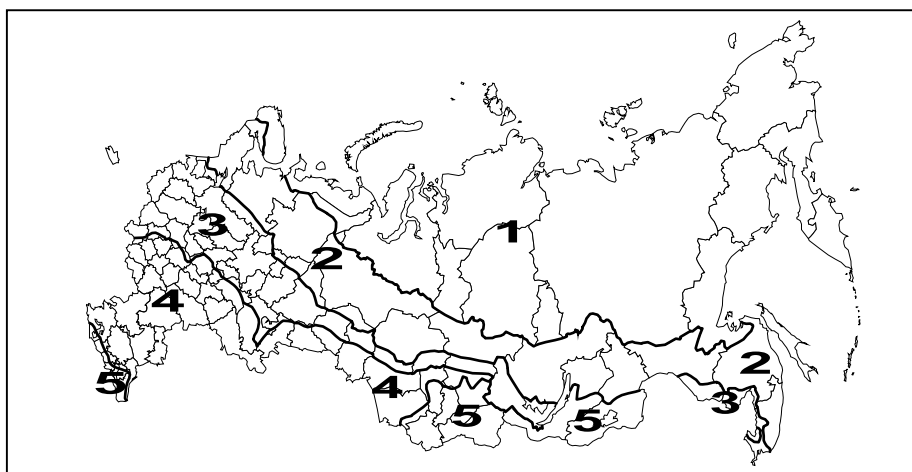

Рис. 7. Зоны с разным типом освоения территории России

2. Лесная зона с добычей полезных ископаемых, очаговым заселением и сельским хозяйством тянется широкой полосой от Белого и Баренцева до Охотского и Японского морей. Всего она занимает 22% территории России. Здесь 11 больших городов, вокруг которых формируются небольшие ареалы повышенной плотности населения и пригородного сельского хозяйства. Все остальное – в основном обширная периферия. В ней встречаются и очаги относительного благополучия: районы добычи нефти и газа на севере Европейской России и в Западной Сибири, города с иностранными инвестициями. Именно они содержат импульсы инновационного развития, которые, однако, не распространяются на окружающую территорию. Вне городов есть возможность заработать населению в районах наиболее интенсивных лесозаготовок, особенно отправляющих древесину на экспорт у северо-западной и юго-восточной границ России, а также в сырьевых районах крупнейших центров лесопереработки. На остальной территории вдали от крупных городов при средней плотности менее одного человека на кв. км в отдельных очагах люди живут часто в полной изоляции. В Европейской России здесь проживает 1.5% ее сельского населения, зато в Азиатской – 8.5%. Агропредприятия, возникшие на волне общехозяйственного освоения, в последние 10 лет в этой зоне рискованного земледелия пережили крушение.

Итак, почти 70% территории страны со сложными природными условиями находится вне зоны сплошного освоения, оторвано от основных дорожных коммуникаций и главной оси расселения и может быть отнесено к внешней периферии, хотя и включает отдельные очаги развития.

3. Лесо-сельскохозяйственная зона охватывает остальную часть Нечерноземья, а также переходную полосу от тайги к степям на востоке страны. Она начинается от Псковской и Ленинградской областей (включая и анклавную Калининградскую), и идет к югу Томской и Иркутской областей, слегка расширяясь в местах сельскохозяйственного

освоения Дальнего Востока. **Костромская область** входит именно в эту зону. Зона занимает 13% территории России, на которой проживает 30% ее сельского населения. Это главная промышленная зона страны. Всего здесь находится 70 городов с населением свыше 100 тысяч жителей, правда 17 из них – в Московской области. Именно здесь сосредоточена большая часть городского населения страны – 53%, причем 14% горожан проживает в Москве и С.-Петербурге. *Главная особенность этой зоны – головокружительные контрасты пригородных и периферийных (глубинных) административных районов внутри регионов*, наблюдаемые визуально и отчетливо выявляемые по статистическим показателям. *Начиная с этой зоны, внешняя периферия постепенно переходит во внутреннюю.* Доля собственно пригородных территорий, в этой зоне очень мала и составляет всего 5 % территории, да и то, главным образом за счет разросшихся пригородов Москвы и С.-Петербурга. Переходные пояса от пригородов к периферии занимают еще 10-15% территории. Большая же часть лесосельскохозяйственной зоны - это почти сплошь депрессивная периферия.

4. Преимущественно сельскохозяйственная зона охватывает равнинные территории в треугольнике: Курск – Краснодар – Красноярск. По площади она почти равна зоне 3, занимая 12% территории России, но шире в европейской части, где она занимает треть всей территории, и сильно укорочена в азиатской (5% территории). В ней проживает 58% сельского населения всей России. Здесь почти столько же больших городов, как и в предыдущей зоне (74), но расположены они более равномерно. Человеческий потенциал здесь сохранился лучше, плотность сельского населения выше (хотя и сильно варьирует). В начале 1990-х гг. районы Европейской России поглотили довольно много мигрантов из других регионов и из ближнего зарубежья. Хотя во второй половине 1990-х гг. миграционный приток в села ослаб, большая часть регионов от Белгородской области и Краснодарского края до Башкирии за 1990-2000-е годы реально увеличили численность сельского населения, что не удалось сделать другим регионам.

Это основная сельскохозяйственная зона страны с весьма благоприятными не только демографическими, но и природными предпосылками. Именно здесь расположено множество относительно успешных агропредприятий, много фермеров, товарных хозяйств населения. Неоднородность территории определяют здесь не столько пригородно-периферийные различия, как в зоне 3, сколько дифференциация природных условий, особенно увлажнения, и национальные особенности населения. Немало здесь и депрессивных районов, однако причины и последствия этой депрессии иные, чем в Нечерноземье и связаны часто с нерациональным землепользованием. Многие из этих районов имеют шансы выйти из кризиса.

5. Горную скотоводческую зону, с очагами добычи полезных ископаемых можно подразделить на два подтипа: Кавказский и Сибирский. Это районы, где в больших городах чаще преобладает русское, а в сельской местности нерусское население, которое из-за кризиса агропредприятий в 1990-х гг. вернулось к традиционному для этих территорий национальному хозяйству, главным образом, животноводству. С распадом СССР эта зона по существу стала внешней периферии страны, хотя занимает она сравнительно небольшую территорию – 6%. Проживает в ней в среднем 8% сельского населения, хотя ее доля в Азиатской части намного выше – пятая часть сельского населения.

Заключение

Конец XX века характеризовался явным усилением поляризации пространства, в т.ч. центрально-периферийных различий. Это касалось не только различий между городами и сельской местностью, но и различий между крупными городами и всей остальной территорией, а также контрастов в сельской местности. Бизнес стремится в главные центры страны и регионов и в пригородные зоны. На остальной территории формируются отдельные изолированные очаги развития на базе богатейших природных ресурсов. Исключение составляет лишь полоса южных регионов.

Анализ территории России с точки зрения ее удаленности от основных сгустков городов, транспортной освоенности и заселенности показывает, что к внешней периферии можно отнести около 70% территории страны, к внутренней – еще около 15%. Большая часть внешней периферии расположена в Восточной Сибири, на Дальнем Востоке и в значительной степени представляет собой к тому же высокогорья и среднегорья. Это затрудняет не только достижение стационарных поселений, но и вахтовых поселков. Это ограничивает также использование высоко квалифицированных кадров, в т.ч. иностранных специалистов, и развитие коммерческого туризма. Однако тот факт, что эти районы осваивались сравнительно недавно молодым и активным населением дает очагам концентрации населения некоторые преимущества инновационного развития. Это требует определенного уровня комфорта и воспроизводства среды обитания европейского уровня, то есть при точечном использовании территории практического включения обширной российской периферии в глобальные процессы.

Внутренняя периферия занимает меньше территории и часто находится в 1-3 часовой доступности от больших городов, ближе к границам регионов. Однако это не уменьшает проблем периферийных районов, которые наиболее остры в Нечерноземье и на востоке страны, где удаленные территории все больше выпадают из использования. Вряд

ли следует ожидать в ближайшие годы возвращения в депопулировавшие территории Нечерноземья постоянного населения из городов. Сохранение некоторых из них возможно лишь благодаря внешним импульсам: городским дачникам и мигрантам из других регионов или государств, рыночной поддержке, в т.ч. столичным и иностранным бизнесом некоторых предприятий в небольших городах как локальных точек экономической активности. Однако разрушение местной инфраструктуры по мере угасания постоянной жизни отнюдь не способствует этим процессам. Гораздо лучшие перспективы имеют периферийные районы в четвертой сельскохозяйственной зоне, где при кризисе крупных предприятий активно развиваются товарные фермерские хозяйства, занимающиеся преимущественно растениеводством.

Процессы, протекающие в **Костромской области**, весьма характерны для страны, особенно для большинства ее Нечерноземных регионов. Однако меньшая величина столицы области по сравнению с другими регионами и ее западный эксцентриситет обостряют проблемы ее периферии. Например, расстояние от города Мантурово и Мантуровского района до любого большого города - Костромы, Кирова или Н.Новгорода – превышает 250 км. Проблемы костромской периферии усиливаются и тем, что здесь как бы сходятся малоосвоенная внешняя и депопулировавшая внутренняя периферия со своими особенностями и проблемами. Если считать только удаленные районы, то к периферии можно отнести 55% территории Костромской области. Если же считать все районы за пределами пригорода и полупригорода (то есть за пределами соседей 1 и 2 порядка к столице области), то их площадь составит 83% территории или 50 тысяч кв.км. На этой территории проживает 60% сельского населения области или более 130 тысяч человек, находится более 2300 сельских населенных пунктов. Из них 565 деревень уже не имеют местного населения, хотя и продолжают числиться населенными пунктами, и в 850 деревнях живет менее 10 человек, то есть они тоже вскоре лишатся постоянного населения. Да и для периферийных 460 деревень с населением от 10 до 50 человек многие описанные выше социально-экономические проблемы весьма актуальны.

Наибольшее внимание на государственном уровне в последние годы уделялось именно развитию сельского хозяйства, а также образования и медицинского обслуживания, чему были посвящены специальные национальные проекты. В то же время аграрное развитие – это отнюдь не единственный и далеко не главный путь развития теряющих сельское население периферийных территорий Нечерноземья, учитывая их обширность, малодоступность и сложные природные условия. Не менее проблемными являются малые и средние периферийные города, особенно в связи с кризисом основных градообразующих предприятий. Однако осознания масштабов и проблем российской

периферии на федеральном и региональном уровнях не произошло. Как правило, бюджеты периферийных районов дотационны, а выход из кризиса видится только в очередных вливаниях извне. В Костромской области, например все проблемы надеются решить строительством крупнейшего в Европе целлюлозно-бумажного комбината, которое пока остановил финансовый кризис. Однако в каждом регионе есть внутренние резервы, поиск которых – гораздо более сложная и кропотливая работа.

В Стратегии социально-экономического развития Костромской области до 2010 года она определялась как "уникальный экологический и исторический регион России, развитие которого всемерно направлено на сохранение и приумножение коренного населения, построение в области системы жизнеобеспечения, ориентированной на достойную жизнь, полноценное развитие личности и реализацию ее способностей, на основе эффективного промышленного и сельскохозяйственного производства, развитого образования, здравоохранения и сферы услуг, интеграции в российскую и мировую экономику" (Стратегия, 2004). И хотя 2010 год уже на подходе, эти громкие и пафосные слова не сильно приблизились к реальности. К сожалению, осмысленной региональной и муниципальной политики в отношении периферийных районов и жизни их населения не видно.

Литература

1. Вишневский А.Г., Андреев Е.М., Трейвиш А.И. Перспективы развития России: роль демографического фактора. – М.: Институт экономики переходного периода, 2003.
2. Грицай О.В., Иоффе Г.В., Трейвиш А.И. Центр и периферия в региональном развитии. – М.: Наука, 1991.
3. Иоффе Г.В., Нефедова Т.Г. Фрагментация сельского пространства России //Вестник Евразии, № 4, 2004
4. Жилищные условия населения. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г., т.1, - М.:Федеральная служба государственной статистики РФ, 2004.
5. Каганский В. Культурный ландшафт и советское обитаемое пространство. Сборник статей. - М.:Новое литературное обозрение, 2001.
6. Махрова А.Г., Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Московская область сегодня и завтра: тенденции и перспективы пространственного развития. М.: Новый хронограф, 2008.
7. Нефедова Т.Г. Сельская Россия на перепутье. Географические очерки. - М.: Новое издательство, 2003
8. Нефедова Т.Г. Увидеть Россию. Отечественные записки. Том 32. Анатомия провинции, 2006а. № 5
9. Нефедова Т.Г. Село Медведево в интерьере своего района, области и России// Российский северный вектор/ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2006б
10. Нефедова Т.Г. Угорское поселение – растяжение и сжатие освоенного пространства// Перспективы российского Севера/ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2007
11. Нефедова Т.Г. Российская глубинка глазами ее обитателей//Угорский проект: экология и люди ближнего Севера/ред. Н.Е.Покровского, М.: Сообщество профессиональных социологов, 2008
12. Нефедова Т.Г., Трейвиш А.И. Динамика и состояние городов в конце XX века. Российские городские системы в зеркале эволюционных теорий урбанизации// Город и деревня Европейской России: сто лет перемен/ред. Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. - М.: ОГИ, 2001

13. Нефедова Т.Г. , Трейвиш А.И. Кризисное и межкризисное развитие современной России в разных географических масштабах//Известия РАН, сер.географическая, 2009, № 4
14. Пилясов А.Н. И последние станут первыми. Северная периферия на пути к экономике знаний.М.:URSS, 2008
15. Предварительная численность населения РФ до 2025 года. - М.:Федеральная служба государственной статистики, 2005
16. Регионы России. М.: Федеральная служба государственной статистики РФ, 2008
17. Родоман Б.Б. Поляризованная биосфера. - Смоленск: Ойкумена, 2002.
18. Соболева И. Социальный капитал или социальный ресурс?// Экономическая наука современной России. 2006, № 3
19. Стратегия социально-экономического развития Костромской области до 2010 года. "От экономической политики стабилизации к политике роста и развития", Кострома, Администрация Костромской области, 2004
20. Трейвиш А.И. Город, село и региональное развитие // Город и деревня Европейской России: сто лет перемен/ред. Нефедова Т.Г., Полян П.М., Трейвиш А.И. - М.: ОГИ, 2001
21. Трейвиш А.И. Центр, район и страна. Инерция, инновации в развитии российского крупногородского архипелага//Крупные города и вызовы глобализации.- М.:Институт географии РАН, 2003.
22. Фадеева О.П. Социальный капитал сибирского села//Россия и россияне в новом столетии: вызовы времени и горизонты развития. Исследования Новосибирской экономико-социологической школы. Новосибирск: Изд-во СО РАН, 2008
23. Численность и размещение населения. Итоги Всесоюзной переписи населения 2002 г., т.1, - М.:Федеральная служба государственной статистики РФ, 2004.
24. Численность населения РФ по городам, поселкам городского типа и районам на 1 января 2009 года.М.: Федеральная служба государственной статистики РФ, 2009